

Велия Степанова КАРИЙ ОСТРОВ

16+

Велия Степанова

Карий остров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42567389

SelfPub; 2022

Аннотация

Студент биофака приезжает на каникулы в деревню, где знакомится с местным егерем, отличающимся странностями. Во время обучения егерским премудростям, переживая лесные приключения, студент узнаёт о существовании загадочного острова, путь на который знает только егерь

Велия Степанова

Карий остров

Куда легче вырвать из земли корень березы или поймать за хвост глухаря, а только не перейти мне Карий остров дважды. Он словно бы утонул в коричневых глазах егеря и стерся с земли вместе с ним.

Даже в эту последнюю ночь на веранде егерского дома – словно семи лет не прошло – все также вслушиваюсь в тишину, распознавая стрекот кузнечиков. По палисаднику мечется ветер, хватая ветки раскидистого дуба и стучит ими по камышовым стенам, по окну летней веранды. Старый егерь на этот раз спит крепко. И вдруг необыкновенно легко становится: чудится, что ветер подхватывает его дом под самый верх и уносит в непроглядную темень, в лесную глушь. А что, если б нас еще раз занесло на Карий остров!

Вначале я смутно верил в его существование, воображая инородным пятном на карте деревушки с ее таинственными лесами. Истории егеря об Острове я считал небылицами, но продолжал слушать, всматриваясь в его близко посаженные карие глаза, в их контур, очерчивающий загадочный круг. А в нем – пронизанные ярким светом вишняки; лисицу, притаившуюся в папоротнике; козулю, задремавшую на травя-

ном покрывале. Неожиданно мне пришло в голову назвать то странное место Карим островом, однажды явившимся в глазах выдумщика-егеря.

– Какой ветер, какой ветер, – ахнул он.

И его, наконец, разбудили причуды стихии. Старик присел на край табуретки. С дрожанием руки шаркает спичкой, медленно закуривает у печки. Не то тайная мудрость, не то хитрость в темном уголке карего глаза, который егерь по обыкновению прищуривает.

– По молодости никого не жалеешь, а в старости начинаешь понимать – всем хочется жить, – пробормотал он уставшим голосом.

Даже здесь, рядом с егерем и его ружьем у теплой уютной печки, тревога не оставляет меня. Этой ночью мне приснилось, что браконьеры сбили его с ног, окружили и забили, как раненого зверя. Я видел ужас, подбирающийся к берегам его карих глаз, как вода к острову. Рассказываю ему об этом сне.

– Со мной никогда этого не случится, – спокойно сказал он.

– Да, конечно. Глупости. А все-таки почему?

– Просто я знаю. Я другой, – хрипло произнес егерь, прищурившись.

Я тоже почему-то знал это и давно простил егеря за выстрел на Карем острове, но прийти к нему смог только спустя семь лет с того самого дня.

– Много зверей я перестрелял, – признался старик не без грусти.

Егерь знает о своем деле многое и кое-что любопытное мог бы рассказать. Но даже он убежден, что никогда нельзя знать о лесе всё.

Знакомству с ним я обязан соседу моей тетки, к которой я, первокурсник биофака, приехал на лето в деревню. Она была так мала, что уже через три дня я вдоль и поперек исходил все ее окрестности. Тогда от скуки я признался соседу, что хотел бы изучить особенности обитания местных зверей, и он предложил обратиться к Тимофеичу.

– Это наш егерь. Странный черт! Но хорошо знает леса и егерское дело. Хочешь не хочешь, а он научит тебя стрелять, – усмехнулся он, зная, что я твердо решил не брать в

руки ружья.

В нашу первую встречу егерь выглядел уже далеко не молодым, но дерзким и полным сил, со смуглым лицом и глазами цыгана. Борода, которую он любил отпускать, была густая и угольно черная, с пробегающей седой волной. В его дворе я увидел аккуратно развешенные на стене сарая рыболовные сети, на траве – перевернутую вверх дном лодку. Из будки с хриплым лаем беспокойно выскакивал пес рыжего окраса по прозвищу Монгол: глаза, как у хозяина, карего цвета, или, пожалуй, более желудевого.

Небольшое пространство во дворе помимо бани занимали старый коровник и обшитая черным толем избушка. За домом рос яблоневый сад – предмет зависти деревенских, как мне вскоре стало известно. Мир егерского двора, огражденный от внешнего мира, но являвшийся его частью, погружал в ощущение чьего-то загадочного присутствия. Звали егеря Алексей Тимофеевич, но сельчане укоротили его имя до простого – Тимофеич.

С первых минут общения с егерем мне было дано понять, что единственной его страстью был лес. Он хоть и прослыл в деревне своенравным упрямым, но при всей колкости натуры не терпел одиночества и мечтал найти ученика. Потому предложение ввести меня в мир здешних лесов вызвало

у него восторг. Егерь взялся обучить меня всем тонкостям своего мастерства и даже позволил ночевать в его черной избушке, стоявшей во дворе. Она с первого взгляда напомнила мне именно ту, что я воображал, читая в детстве волшебные сказки.

Звери, как считал егерь, живут своей, особенной жизнью, и это увлекало его не меньше, чем астронома захватывает желание постичь жизнь небесных планет. Он мог, сидя на печке, за вечер составить рабочий учёт нор, интуитивно чувствуя, по каким тропам бегают лисы и барсуки. Разумеется, Тимофеич утаивал какое-то число для улова себе, ведь местные и приезжие хорошо скупали у него свежие шкуры, барсучий жир и выделку ондатры.

– Я зверей без причины не стреляю, – говорил мне егерь, оправдывая свое ремесло бедностью и нуждой.

Заработанные деньги, по его словам, он отправлял жене Аннушке в город, но его сестра отрицала это. Но я замечал, что лишних денег у Тимофеича не водилось – он растрачивал их на бензин, сигареты и выпивку по выходным.

В охотничьем деле Тимофеич не знал себе равных благодаря поразительному чутью. Находясь в лесу, он непостижимым образом освобождался от физической дряхлости по-

добно змее, сбрасывающей старую шкурку. А потом по-волчьи стремительно принимался искать следы. Быть может, потому так неизбежно и неосознанно егерь внушал к себе чувство уважения и осторожности. Довольно было поймать на себе его пристальный взгляд, обжечься об окаймленные коричневым контуром зрачки и почувствовать, какая странная сила таится в них. Встречи с егерем, который в любую минуту мог выкинуть что-нибудь неожиданное, избегали многие браконьеры. При всем том у него имелись приятели, с которыми он вместе охотился и застольничал.

В первые дни наших выездов тишина леса пугала меня. Я признался в этом Тимофеичу, на что он, прищурившись, сказал голосом, напоминающим тепло и шероховатость коры:

– Бойся не леса, бойся людей.

Деревенские любопытными взглядами провожали егерский мотоцикл, который каждое утро увозил нас обоих. Ездили мы всегда разными дорогами: отправлялись в одном направлении, а возвращались в другом. Тимофеич делал так, зная, что браконьеры могут выследить его, подстеречь и даже выстрелить. Думается мне, поэтому он имел привычку носить при себе охотничий нож.

Я предвидел, что моя неприязнь к оружию вызовет неодобрение, но егерь проявил уступчивость и не стал настаивать, чтобы я брал в руки двустволку. В течение месяца мы посетили с Тимофеичем все окрестные леса, побывали в укромных и диких уголках леса. Удивительным образом во время наших поездок он не делал попыток вовлечь меня в охоту. Правда, одним вечером хотел показать, как сдирает шкуры с убитых зверей, но смотреть на это занятие я отказался. И все же егерь научил меня их различать.

Однажды я пытался угадать, какому зверю принадлежит привлекший меня черно-бурый мех: на ощупь он казался теплым, объемным и легким, с длинной жестковатой остью и более мягкой подпушью. Я так и не смог определить, и тогда Тимофеич сказал, что этот зверь стал встречаться в наших лесах недавно. Первым его словил один из местных охотников, но из-за красноты меха подумал, что перед ним барсук. Егерь растолковал ему, что это енот. А спустя некоторое время сам случайно поймал енота, только черного.

Вечерами, когда егерь занимался выделкой шкур, трепал и отслаивал лишнее, зажимая в зубах самокрутку с садовым табаком, я подсаживался к печке и слушал его истории.

– Ты в Пятковом был? – спросил он меня.

– Не был.

– Вот и зря. Там есть озеро Журавль, очень громадное. Настолько, что даже можно заблудиться. Да, однажды охотник в нем заблудился и замерз зимой. Камыш примерно метра три высотой: очень толстый, как бамбук. Вот такой толщины! Растет островами этот камыш, выше глади воды примерно на столько. На него можно даже садиться – воды касаться не будешь.

От пристани плывешь, – продолжал Тимофеич, – наверное, метров сто по небольшому заливчику, потом выплываешь. И постоянно ставишь вешки, чтобы по ним ты пристань эту нашел, иначе можешь заблудиться. Потому что метров двести-триста идет один сплошной камыш – ничего больше не увидишь там, спутаешься. Допустим, возьмешь ориентир – лес, так вот этот камыш заслоняет весь горизонт. И не проплывешь ты на лодке, пешком только можно идти. Там дичь разная водится – дикие утки, журавли, гуси.

– А расскажите еще раз про свой Остров. Кого вы там встречали?

– Рысь на Острове видел, когда сидел в засаде. Она проходила недалеко, но с дрови ее было не убить. Не стал стрелять. У рыси след больше, чем у волка. Хотя они меньше,

но лапы у них крупные. Они находят тропу косули, залезают на дерево и сидят, выжидают. Если проходит косуля, рысь прыгает и давит ее....

Перед сном в черной избушке я просматривал дневник наблюдений, который егерь вел в течение нескольких лет. В нем он оставлял небольшие заметки о том, в каком лесу побывал, какое животное увидел или как встретил что-нибудь необыкновенное. Я пробежал глазами скучные подсчеты и планы расположения звериных нор, останавливаясь на записях, которые казались мне любопытными.

Отрывки из дневника егеря (авторские знаки сохранены):

«10 июля 19.. года. Озеро Горичье – горько-соленое. Идешь вокруг него: камышей практически нет, вокруг один песок, и на этом песке евдошки летают. В каждой ямке по три яйца лежит – такие же маленькие, как у чибиса, и если косарь или даже трактор пройдет – он их раздавит. А черт знает, почему... Если яйца выкатятся, евдошка их соберет – и снова в ямку, а потом выпаривает. В наших краях есть Евдошичье болото – там много этих птиц».

«7 августа 19.. года. За деревней Воробьи есть еще одно горько-соленое озеро, но там камыш растет. С БН мы туда

приехали, настреляли уток. Думаем – сейчас, как обычно, сядем, поедим. А только воду зачерпнули в котелок, попробовали – оказалось, она горько-соленая. Поехали в деревню за водой, но в ведре ведь ее не повезешь – пришлось сапог вымыть и в него налить, чтобы в котелке ужин сварить».

«14 июня 19.. года. Месяц назад пришел план отстреливать по пятьдесят ворон, потому что они разоряют гнезда лысух. При этом нас заставляют самим делать гнезда для лысух, что я считаю глупостью: делать гнезда для диких птиц, которые выют их себе сами. И хотя делать гнезда все-таки приходится из старого камыша, заселяют их птицы редко».

«21 апреля 19.. года. Я стоял на озере Попово, туда из Желтенького озера слетелись чайки, потому что появилась крупная рыба. Одна чайка поймала рыбку и полетела на свое привычное место, где у нее находились птенцы. Вот несет она эту небольшую рыбку, как вдруг ее атаковала ворона, чтобы отобрать. Уставшая от нападков вороны чайка бросила добычу и продолжила лететь дальше. Схватив ее, ворона почему-то обогнала чайку и бросила рыбу вниз, как будто захотела вернуть. Чайка подняла наконец свою рыбу и вернулась к гнезду».

«27 мая 19.. года. Болотные кулики – у них, как у курочки,

по три лапки. Они по листьям кувшинок, что видимо-невидимо растут на озере, бегут так быстро, что кажется, будто по воде. Я все думаю: как кулик умудряется по воде бегать, не имея на лапах перепонки? Оказывается, он ступает на листья кувшинок!».

«10 апреля 19.. года. Впервые увидел птицу Желну, или черного дятла, которая, как считалось, у нас не водится. Как обычно, утром делал учет тетеревов по токам. Услышал, что кто-то колет дрова, и подумал – кто может спозаранку рубить топором дрова? Все ближе, ближе подхожу и отчетливо слышу громкий стук по дереву. Тут я увидел большого черного дятла с красным пятном на головке и на груди. Как же он мог появиться здесь? Ведь в нашем регионе его нет, о чем говорилось в одной из книг о местных птицах».

«18 апреля 19.. года. Встал часа в два ночи. Пока шел до леса, нашел ток, где тетерева чуфыркают. Ближе к ним, конечно, не подкрадешься. По помету, по пуху определил на рассвете, где они сидят, ведь дерутся как настоящие петухи. Сначала расходятся, а потом подходят и прыгают друг на друга. От их драк остаются пух, перья и помет. Так и определил их местонахождение. На полянке, за кустиком, поставил скарадок из нарезанных прутьев...».

«20 апреля 19.. года. Два дня не заглядывал в скарадок,

чтобы птицы к нему привыкли. Утром до начала тока сел в скарадок, где видно, как на ладони, сколько тетеревов токует. Кругом степинка. Рассвело. Смотрю в бинокль, чтобы их сосчитать. Тетёрки, как обычно, сидят, курлычут в сторонке, а тетерева только и делают, что дерутся».

«14 марта 19.. года. На глухаря охотиться сложнее. Все думают, что он глухой, но это не так, он просто плохо видит. Чтобы не спугнуть его, ни одна ветка под ногой не должна хрустнуть. Подкрадываешься к нему, подкрадываешься, пока он поет. А как только перестал, нужно остановиться, иначе спугнешь. Слышимость у него исключительная».

«24 сентября 19.. года. Всегда можно наблюдать, как улетает птица, будь то утка-кашатка, лысуха или чирок. Своими глазами видел, как они сбиваются в стаи. Когда охотился на ондатру в Сарапугино, сидел в камыше. Стояла тишина, и вдруг, не знаю откуда, появилась стая лысух. Они не сразу взлетают, а сначала разбегаются, бегут долго и хлопают по воде лапками. Крылья у лысухи короткие, а сама полная. Я никогда бы не мог подумать, что на маленьком озере столько этой птицы может быть! А вот гагары улетает только ночью, никогда их стаю не увидишь днем. Обычно у них так же, как у лебедей и журавлей, есть вожак. Ночью летят, а днем садятся, пугливо забиваются в камышах».

Я познакомился с сестрой егеря Лидией, изредка навещавшей его. В такие дни он совершенно приободрялся. Я также не мог не заметить, что мое присутствие оживило их прохладные отношения. Когда я в очередной раз намеревался заночевать в черной избушке, хозяйка настояла, чтобы я перебрался на веранду дома. Наутро она пекла гору оладий, и как-то за завтраком, когда Лидия поставила на стол банку меда, Тимофеич вспомнил, что в молодости пытался украсть с приятелем мед на чужой пасеке. Рассказывая это, он хохотал, и в его глазах вспыхивали коричневые светлячки.

В субботние дни егерь подолгу возился в своем саду, ухаживая за яблонями. Окраина сада вплотную сплеталась с луком и табаком, а передняя часть прижималась к стене бревенчатой бани. Егерь высаживал яблони сам, а потому оберегал их ревностно и даже уверял, что деревья отвечают на его слова легким подрагиванием. Я захотел убедиться в этом, и мы отправились в сад. Приблизившись к яблоне, он начал что-то нашептывать, а я не отводил взгляд от ствола. В безветренный день ничто не могло покачать дерево, но мне показалось, что оно слегка вздрагивает.

Однажды в этом саду появились незваные гости – егерь определил это по сломанным веткам. Местные жители нико-

гда яблок у него не крали – им привычнее было постучать в калитку и попросить угоститься. В тот же вечер егерь засел ночью с ружьем в кустах малины. Мгновенно представляю в этот момент его угрюмо сжатый рот и горячие, как угли, глаза. В темноте он услышал хруст – значит, начали срывать яблоки с веток, и выстрелил. Потом еще раз – вдогонку тем, кто убежал. Нет, он не страдал сумасбродством, хоть и был порой определенно странен.

Все же наше знакомство переросло в приятельскую дружбу, и егерь начинал мне нравиться. Молчание сблизило нас сильнее, чем разговоры. Только редкие беседы и неожиданные случаи давали мне представление об этом самобытном человеке. Мне удавалось быть его молчаливым спутником и не участвовать в охотничьих делах, пока не произошел один случай.

Проснулся я на рассвете. Ко мне последние дни плохо шел сон, а с того времени, как я погрузился в суету егерской жизни, мой слух обострился, и каждую ночь я невольно вслушивался в тишину. Деревенские провожали коров на поле под свист пастушьего хлыста. Петухи кричали во все горло, а коровы раздували ноздри. Во мне вновь проснулось желание очутиться на заднем сиденье мотоцикла и ощутить на себе сопротивление ветра, слышать трепыхание ворота рубахи.

– Ну что, едем?

Мне не терпелось отправиться в лес по утренней прохладе.

– Роса еще не спала, – задумчиво сказал Тимофеич.

Наконец мы уселись в мотоцикл и тронулись в путь. Нам предстояла долгая дорога в направлении багрового сгустка, растянувшегося в небе над лесом. Оставив деревню позади, вырулили на грейдер. Затем съехали вниз и долго двигались по степи вдоль лесов. Егерь разогнался. Проезжаем Сержантский лес за озером Павловым. Деревенские ловят барсуков именно в этих местах, а егерь держал путь на Федотово, где обещал показать мне барсучьи норы. Добравшись до леса и оставив мотоцикл, мы направились вглубь, пробираясь сквозь траву и бурелом.

– Поселение барсуков здесь находится недалеко от края леса, – начал рассказывать он, отодвигая ветки берез.

Примерно так проходили наши ежедневные лесные экскурсии.

– На капканы мы наткнуться не должны, – рассуждал егерь, пока мы шли, – потому что недавно чужие снял. Бра-

коньеры такие большие ставят, что можно ногой попасть, да еще по пять штук. Я не ставлю больше трех на тропу.

Капканы нам не попались, но мы обнаружили шкуру убитой косули. Немного погодя вышли на жилую барсучью тропу. Она привела нас к поселению, где недалеко друг от друга расположены огромные норы барсуков.

– Ночью они выходят по этой тропе, а потом расходятся. Обычно барсуки селятся в зарослях, на возвышенности, где весной не затопляет водой. Уже крупная молодежь живет здесь. По этой тропе они ходят к озеру пить, которое вон там за кустами, – показал егерь.

Он также обратил внимание на детали, указывающие на присутствие жизни зверя.

– Наклон травы свидетельствует о том, что тропа искожена. Рядом примятый лопух, значит, сюда барсуки выбегают, играют. Кора на дереве вычищена.

Егерь показал отнорки, ведущие из самых глубин барсучих нор. Здесь он поставил несколько капканов. А для того, чтобы барсук не почуял запах железа и не вылез в другом месте, егерь предварительно обжег их и протер травой. Когда мы стали возвращаться обратно, заметили еще и неглубоко

вырытую земляную лунку.

– Вот здесь они рыли яму, искали коренья, потому что больше некому, – решил егерь.

– А кабаны не могли вырыть ее? – предположил я.

– Леса у нас редкие, колкие, большого массива нет, поэтому кабаны к нам заходят, но не живут, – ответил Тимофеич и добавил загадочно. – На далеком Острове их встречал.

– Тот самый, про который рассказывал?

– Это место, куда только я дорогу знаю, – сказал он.

– Кого еще вы на том Острове встречали?

– Волки захаживают туда. Однажды я увидел следы, явно не собачьи, их было много, причем звери шли след в след. Я прошел по ним, а потом увидел, как они разошлись.

– Хочу побывать на вашем Острове! – заявил я.

– Не испугаешься?

– Чего мне бояться?

– Там весь лес в барсучьих норах, даже страшно ходить – кругом их поселения. Ну раз уж я поставил там пару капканов, надо проверить...

– Разве не жалко их убивать?

– Первое время ловил для жены, когда болела туберкулезом. А потом появились заказы на барсучий жир, – ответил егерь и немного помолчал. – Я ловлю только капканами, хотя некоторые охотники выбирают более простой способ: выкуривают барсука из норы, а потом пристреливают. Но выследить и поймать в капкан – это более честный способ. Ведь барсук может и обойти его, если суждено.

Возвращаясь к мотоциклу, егерь рассказал мне, что встречал норы барсуков-одиночек, что означало их изгнание из семейства. Таких больше не принимают ни в одном поселении.

Вечером того же дня мы посетили три озера, расположенные прямоугольником. На последнем из них – озере Попово – мы с егерем заплыли в болотину. Несколько дней назад он обнаружил здесь пять больших морд для ловли ондатры, расставленных браконьерами. Тимофеич убрал чужие и, к моему удивлению, отплыл подальше, чтобы поставить свои.

Я подумал, что это слишком дерзкий поступок, и тем самым он рискует вызвать вражду. Но егерь даже ухом не повел.

Когда мы приехали на озеро снимать морды с пойманными ондатрами, снова пришлось тащить нашу лодку волоком по густой болотине. Егерь оставил ружье на ондатровой хатке и начал снимать морды. Устоявшуюся тишину нарушил звук приближающейся машины – кто-то подъехал к берегу.

– Это он плавает, – отчетливо прозвучали слова.

Незнакомец, чье лицо трудно было разглядеть, достал из машины ружье и направил в нашу сторону. Предчувствуя выстрел, егерь прижался к борту, а я успел скользнуть на дно лодки.

Когда я поднял взгляд на Тимофеича, по его желтой брезентовой куртке проскользнула дробь. Мне хотелось броситься в воду, но было уже поздно. Прижавшись коленями ко дну лодки, я успокоил себя мыслью, что этот выстрел предназначался егерю, и по сути дела мне нечего бояться. Но участие в такого рода приключениях мне, неподготовленному студенту, не доставляло радости. Через несколько секунд неизвестные уехали. Я долго лежал молча, пока егерь не привстал и начал внимательно рассматривать свой рукав.

– Это мелкая дробь – бекасин. До тела бы она не достала. Стреляли, чтобы напугать.

Я вновь подивился, с какой невозмутимостью и иронией Тимофеич воспринял этот случай. Я начал расспрашивать, почему в него стреляли, и кто это мог быть. Егерь признался, что у него немало врагов среди браконьеров, которым он регулярно портит планы. Хуже того, однажды он, выпивая, кому-то проговорился о неизвестном никому Острове, заселенным крупными и редкими зверями. Правда, не успел рассказать, как к нему добраться. Охотники посчитали несправедливым, что он держит это место в секрете.

В тот же вечер егерь взял с меня обещание, что я никогда не покажу дорогу на Карий остров кому бы то ни было. Для меня это было несложно, ведь я хорошо умел хранить секреты, к тому же имел плохую память на запоминание дорог.

Я дождался дня отправления на загадочный Остров, который уже назвал про себя Карим. Мы поехали на том же самом мотоцикле, но уже с прицепленной к нему небольшой тележкой. Ветер в то утро был неистов. Он склонял к земле полевые травы, и тонконог ручьем стелился по земле. Какой дорогой егерь вез меня, я, разумеется, не смог запомнить.

Определил только, что она шла в сторону Сержантского леса вдоль родника, который затем скрылся в траве, и уходила между пшеничных полей куда-то вниз.

– К этому роднику приходит на водопой косуля, – показал егерь, не останавливаясь.

А потом ветер затих, и впереди раскинулась степь, которая показалась мне бесконечной. Спустя два часа пути мы остановились. Над травами порхали чибисы. В нос бил запах горького миндаля. Я набрал горсть дикой клубники под ногами. Непрерывный писк слышался в степи – это суслики, большие и маленькие, стояли со своими песчано-желтыми спинками, как маленькие столбики. Подкрасться к ним не удавалось – они всегда успевали прыгнуть в свои норки.

Егерь достал из люльки самодельный батик – длинную палку с остро загнутым концом, вырезанную им из корня березы. Протянул мне.

– Раз не хочешь брать ружье – держи для защиты.

– А что, барсук может выскочить?

Егерь хохотнул:

– А черт его знает.

Он накинул на плечо ружье, рюкзак и взял в руки топор.

– Зачем ружье? – спросил я.

– На случай, если встречу коосулю.

Я допускал, что убийство может случиться, но меня одолевало любопытство и давнее желание взглянуть на коосулю вблизи.

Вначале мы шли спокойно вдоль необыкновенно пышной липовой рощи. Я понимал, что такого не встретишь за пределами Карего острова и старательно разглядывал все вокруг, чтобы запомнить. Однако очень скоро лес стал непроходимым, и мы начали перемещаться с трудом. Я следовал за егерем, отгоняя паутов, настойчиво жужжавших у самого лица. Егерь что-то бормотал, но под шум листвы под ногами я едва улавливал слова.

Топор здесь пригодился как нельзя кстати. Пауки невероятных размеров плели свои сети между ветвями берез. Егерь бесшумно проскальзывал вглубь леса, мягко проходил сквозь густые заросли, вглядываясь в просветы веток и ловко разрывая паутины топором. Я же неуклюже спотыкался

о сучья, ударялся боками о деревья и задевал коленками сухие стволы упавших деревьев. Правда, одним глазом успел заметить в запутавшейся траве цветущий Марьин корень.

– Вот здесь, наверное, и пойдём, – пробормотал мой спутник.

Мы свернули направо и пошли через вишняк, но это не облегчило нам дороги. Вишняк был высотой под два метра и тянулся вдоль болотины. Егерь махнул рукой на избушку, стоящую на маленьком островке, где он часто проводил ночевки. Я хотел заглянуть в нее, но чтобы пробраться туда, нужно было пройти по болотистой воде, а мы не захватили болотники, потому решили отложить поход на следующий раз.

По дороге нам встретилась свежая лисья нора, размером значительно меньше барсучьей. Мы остановились возле норы, чтобы передохнуть, и егерь озвучил мне свои наблюдения. Лисы живут парами, пока воспитывают потомство, а уж потом расходятся. Иногда занимают заброшенные барсучьи норы, но барсук сильнее лисицы, поэтому она никогда не сможет выгнать его из собственной норы.

– Однажды я здесь застрелил белую лисицу, – вспомнил егерь.

– А разве такие существуют?

– В этом лесу существуют. Как-то давно поймал здесь белую ондатру с красными глазами. Мне потом сказали, что такие, как она, встречаются единицы, и ее шкурку у меня забрали и увезли в Новосибирск.

– Почему у нее были красные глаза?

– Потому что это альбинос. Здесь же мной была замечена белая косуля. Как-то давно видел белого воробья и белую ворону.

– Значит, кроме вас никто не знает об этом Острове? – поразился я.

– Думаю, нет. Я держу это в секрете, – ответил егерь, улыбаясь в ответ на мой нарастающий интерес. – А когда я показал охотникам белую ондатру, то сказал, что поймал ее в Казарино.

– Часто вы приезжаете сюда?

– Конечно, нет, иначе могут заметить.

По словам егеря, он набрел на этот Остров случайно. Пару лет назад в этом лесу падало нечто похожее на метеорит. Но если он обычно промелькнет сразу, всего мгновение, и даже как будто очерчивает полосу, когда летит, то на этот раз он, не касаясь леса, взорвался и превратился в желтый шар. Затем стал медленно опускаться на землю. Егерь в это время выезжал из Федотово и задумал проследить, куда упадет этот шар.

– Я так и не смог понять, что это было, но быстро оказался в той липовой роще, где мы с тобой были.

Мы направились дальше и через некоторое время увидели тропу, но следы на ней были крупнее косули, и Тимофеич предложил пойти за ними, чтобы выяснить, кому принадлежат.

– Неужели это косуля так набила? Не может быть! – поразился он.

Но прошли мы недолго до того момента, как увидели, что неподалеку стоит лось. Можно было хорошо разглядеть его большую рогатую морду и крупные ноздри. Мы начали пятиться назад спиной, а он развернулся и увидел нас. Лес внезапно затрещал, потому что лось бросился вперед. Убегал он крупной рысью, как лошадь.

– Значит, это его тропа была, – проговорил егерь. – А вот косулина лёжка там, где примята трава.

Мы вышли на тропы косуль и вдалеке услышали громкий трубный звук.

– Это кричит самец косули, предупреждая свой клан об опасности, – разъяснил егерь.

Пройдя еще немного, в высокой траве мы увидели косулю, стоящую к нам спиной. Она долго смотрела в обратную сторону, как будто кого-то ждала. Недолго думая, мы с егерем сумели подкрасться к ней близко, потому что она не слышала нас.

– Я зайду в массив, а ты стой здесь, не шуми! – шепотом приказал егерь, заряжая ружье.

Как загипнотизированный, я уткнулся взглядом в застывшую спину косули цвета ржавчины. «Почему она не уходит, – волновался я. – Кажется, егерь собирается выстрелить». Очарованный окружающей магией, я не решался в этом признаться себе. Вдруг увидел еще два маленьких ржавых пятна, приближающихся к косуле. Очевидно, это были ее дети. У меня громко застучало в груди, и только я успел

что-то предпринять, услышал выстрел. Косуля мгновенно завалилась в траву, а сеголетки приблизились к ней. Подбежав, они начали обнюхивать мать и дрожали всем телом то ли от испуга, то ли от нерешительности. Они слегка отбежали, когда мы подошли.

Я почувствовал, что и мои ноги стали подкашиваться. Впервые я начал отчитывать егеря, обвинив его в жестокости и непрофессионализме. Меня трясло, а очарование этим человеком таяло, как зловещий дым. Тимофеич оправдывался тем, что, целясь в косулю, не заметил бегающих рядом сеголеток.

– Я не увидел их, – сказал егерь, разводя руками. – Если бы знал, стрелять бы не стал.

– Почему она не услышала, как мы к ней подошли?

– Потому что мы подобралась к ней с подветренной стороны, – раздраженно ответил он.

И на этот раз у егеря нашлось свое объяснение. Но если раньше его лесные «гипотезы» восхищали меня, то теперь я сожалел, что он снова оказался прав. Я был разозлен на егеря, и впервые мне захотелось взять в руки ружье, чтобы направить на этого человека. А нежно робкие создания – дети

косули, долго и непонимающе смотрели нам вслед, когда мы с егерем тащили к мотоциклу кровавое тело их матери на брезентовом покрывале. Часто оглядываясь, я задавал себе вопрос: как мог стать соучастником этого?

– А если бы мы подошли по ветру, то она бы нас почувствовала? – не унимался я.

– Да, – подтвердил егерь.

– Зачем вы вообще решили в нее стрелять? – я оглушил его своим криком.

– Да черт его знает!

В ту минуту до меня дошло, что этот человек безнадежен. Оттого, что чувство жалости и особой любви к обитателям леса, о которой он так много рассуждал, в нем выместила многолетняя привычка стрелять в то, что убегает. Да, между егерем и зверями была некая тонкая связь, но это было не лучше отношений хищника и жертвы.

– Зачем я только поехал с вами!

Я впервые пожалел, что связался с егерем.

– Почему вы тогда не повалили лося, который нам встретился? – вызывающе спросил я, когда уже сидел на траве посреди цикория.

В тот момент егерь дрожащей рукой выкуривал сигарету.

– Ты видел, какой он крупный? Что я с ним стал бы делать? – выкрикнул егерь, пронзая лесную гладь шероховатостью голоса.

– А что вы будете делать с ней?

– Глупый вопрос, – отрезал он.

Я был уверен, что сейчас мы отправимся назад, в деревню, но к ужасу для себя услышал новый план.

– В час дня солнце стоит на юге. Скоро дойдем до поселения барсуков, там два моих капкана, – сказал егерь твердо.

– Разве нам не пора уже возвращаться?

– Я сделал еще не все.

– Сделаете потом, – настаивал я.

– Потом уже не будет. Я не скоро теперь приеду сюда, – странным голосом произнес он.

Полчаса спустя, осмысливая происходящее, я еще больше почувствовал себя виноватым. Окружающая магия перестала радовать меня, словно я был уже не достоин ее после того, как грубо вмешался в ее хрупкую структуру. Казалось, этот Остров погрузился в зловещую тишину, предчувствуя что-то еще. За то время, пока егеря пытался вспомнить место, где поставил капканы на барсучьей тропе, мы не обмолвились ни словом. Кажется, он сам был немного потерян и выглядел так, словно утратил прежнюю бодрость. Все же я покорно шел за ним, а сердце мое было беспокойно.

На развилке тропы мы обнаружили помет барсуков и раскопанные корешки. Следуя тропе, нашли место, где егеря поставил капканы на барсуков. Оказалось, в один из них барсук попался когтями. Я ужаснулся – по длине они были с мой палец! Быть может, он уловил запах железа и выдернул лапу, но не до конца. Барсук изо всех сил старался вырваться и бессильно копошился в земле. Он испугался еще сильнее, когда мы подкрались к нему, и замер от ожидания. Мне было жаль его.

На этот раз мы с егерем действовали согласованно, договорившись слегка приглушить зверя, чтобы освободить из

капкана, но не убивать. Я передал ему батик, а он вложил в мои руки заряженную двустволку.

– Если он укусит меня – стреляй! – проговорил Тимофеич полупшепотом, сверкнув огненными зрачками.

Я едва успел открыть рот, чтобы что-то возразить, но его действия как всегда были стремительны до безумия. Мое волнение нарастало.

Егерь кошачьей поступью приблизился к барсуку и резко размахнулся, чтобы ударить его по голове, но почему-то промахнулся и ударил по спине. Барсук вырвался из капкана сам и, как безумный, бросился в мою сторону, минуя егеря. В испуге я отскочил и в то мгновение, когда он почти коснулся моего сапога, выстрелил в него. Слава богу, я промахнулся, но мощной волной, идущей от ружья, барсука опрокинуло на спину. Сделав несколько оборотов вокруг себя, он наконец забежал в свою нору.

Обратно мы шли молча, пока я мысленно приходил в себя. Близилась сумерки, когда мы услышали шум летящей в небе стаи уток. Подняли вверх глаза, а вслед за ними летела огромных размеров птица с длинной шеей и размашистыми крыльями. При этом у нее была небольшая голова, а тело как будто покрыто рыбьей чешуей, что придавало ей сходство с

летающим птеродактилем, каких я видел на иллюстрациях.

– Много живности населяет это место. Лучше никому не рассказывать, – сказал егерь, заводя мотоцикл.

По его смущенному выражению лица и размягченному голосу я понял, что он чувствует себя виноватым. Я же был невероятно зол на себя и не мог поверить, что по команде егеря выстрелил из ружья. В это мгновение я почти возненавидел его и твердо решил завершить свое «ученичество». Мне претило, что за один только день, проведенный с егерем, я чуть не пристрелил барсука и вдобавок помог убить коосулю, по которой, наверное, сейчас плакали ее дети.

Этот случай заставил меня через два дня уехать из деревни, и я не дал Тимофеичу никаких объяснений. Правда, тут же пожалел о поспешности своего побега. Отчего-то во мне начала нарастать жалость к этому несчастному человеку. Это чувство усилилось после моего возвращения к учебе, когда я узнал из телефонного разговора с теткой, что Тимофеич бросил егерские дела и ночи напролет просиживал в компании деревенских охотников. Ко всему прочему, воспоминания о его Острове не давали мне покоя.

Спустя семь лет я приехал к егерю уже аспирантом. Двор Тимофеича зарос травой и опустел. Я уже не видел здесь

ни рыболовных снастей, ни охотничьих шкур на стене сарая, ни перевернутой лодки. Будка Монгола опустела – егерь признался, что застрелил пса из жалости, когда тот заболел, оглох и стал от бессилия скулить. Дом был совсем запущен, и сестра навещала его не чаще прежнего.

Передо мной стоял уже не егерь, а хрупкий старик, переставший носить в фуфайке нож, оставивший от прежнего себя лишь усмешку в уголках карих глаз. Гордость и превосходство над деревенскими, которые ранее угадывались в каждом его слове и движении, куда-то исчезли. Что-то внутри него надломилось. Мне вдруг стало тревожно, что теперь кто-нибудь из старых врагов обидит старика или чем-нибудь ему навредит. А вот яблони в его саду еще больше подросли и окрепли. Дотронувшись до их коры, можно услышать гудение внутренних соков. Листья трепещут на ветру, как встревоженные зеленые бабочки. Тимофеич неподдельно нежным взглядом оглядывал их. Тогда я понял, что он больше никогда не возьмет в руки ружья.

На следующий день после ночевки у него я вернулся в город с ощущением тревоги. Как оказалось, неслучайно. Я получил от тетки сообщение, что егерь покинул дом, сказав, что собирается проведать жену. А через неделю она сама появилась в деревне для того, чтобы искать его. Тимофеич больше не появлялся в деревне. Он просто исчез в одном из

лесов. Никто не знал, где именно, но, говорят, в последний раз его видели направляющимся в сторону Сержантского леса.

Я вспомнил, что именно в этом направлении располагался остров, названный мной Карим по цвету глаз егеря. Но я остаюсь единственным, кто верит в его существование и видел своими глазами. Егерь же направился туда найти что-то потерянное в таинственных лесах, а он всегда достигал своей цели. Должно быть, он задумал лечь на полотно травы и дать себя на растерзание лесному зверю? Почему же нет, ведь ему было свойственно безумие.

Когда-нибудь и я отправлюсь на Карий остров...

Иллюстрация к книге была создана Иваном Степановым по индивидуальному заказу автора Ольги Гришмановской.